

Нина Молева

ТАК СТАЛИ его называть с конца 1930-х годов во Франции, да и во всей Европе. На вопрос о Черном Жана каждый француз откликнется: конечно же, Жан Кассу! Достойный мэтр Кассу — в обиходе интеллектуалов. Его творческое наследие с трудом уместилось в 50 томах: романы, новеллы, эссе, литературоведческие и искусствоведческие исследования, баллады, сонеты, в том числе те тридцать три, которые были сочинены (не написаны!) в фашистских застенках.

Нельзя себе представить историка литературы, незнакомого с бестселлером 1932 года «Величие и бесчестие Толстого», с «Ночами Мюссе» или «Панорамой современной испанской литературы». Сборник «О поэзии» — критический разбор давних и современных произведений — продолжает считаться одной из лучших работ этого рода за период между Первой и Второй мировыми войнами, как непревзойденными остаются переводы с испанского на французский сочинений Сервантеса с интереснейшими комментариями переводчика. Образ Дон Кихота — символ всего творчества Жана Кассу.

Во Франции, во всяком случае, никто не отнесется серьезно к искусствоведу, не изучившему блистательных монографий «Победа Пикассо» и «Матисс». Написанные в 1937 и 1939 годах, они имели особый смысл для всего мира, когда Гитлер и Геббельс страстно и, само собой разумеется, «по желанию трудящихся» боролись с левыми направлениями в искусстве — выбрасывали из музеев, распродавали за рубеж за гроши, сжигали на площадях, громили мастерские.

Восприятие идеального подданного казарменно-лагерного режима нуждалось прежде всего в «красивом» и тем самым «радуящем душу простого человека» реализме, еще лучше натурализме. «Тот же, кто деформирует действительность, как Ван Гог или Пикассо, сам является деформированным, наследственно больным, вырождающимся». Слова Гитлера подкрепились действиями.

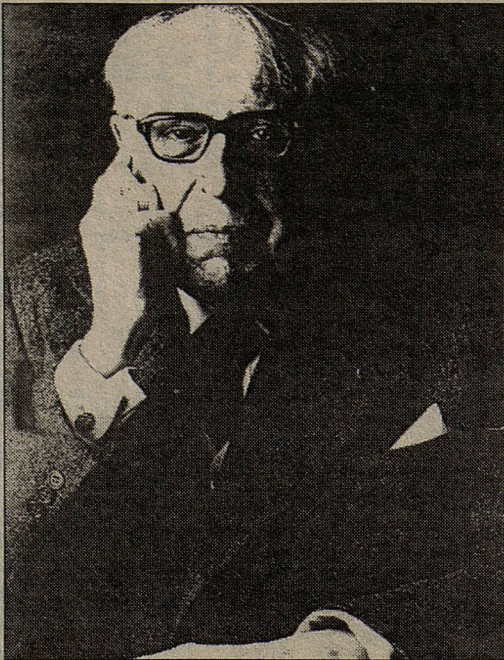
В последний раз продемонстрированное немецким зрителям искусство «левых» в 1937 году представлялось под вывеской «Выродившееся искусство». Бок о бок, в специально выстроенном бело-мраморном дворце демонстрировался «Образ Родины»; те, «кто пишет красивые портреты, нарядные пейзажи, процветающую мирную жизнь», по словам Розенберга, могли всегда рассчитывать на персональные музеи за счет государства, все виды наград и знаков отличия.

Именно в 1937-м выходит «Победа Пикассо», а Жан Кассу становится во главе парижского Музея современного искусства в качестве его главного хранителя. Этой должности его немедленно лишит правительство Виши и опять вернет освобожденная Франция. Первоначально городской, затем национальный, музей будет переименован в Центр Помпиду. У этого центра своя, далеко не благополучная история, пережить которую ему помог Жан Кассу.

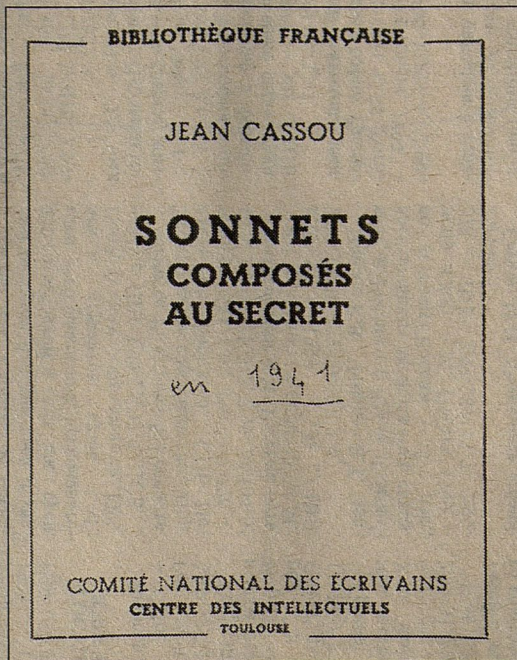
Впереди будут написанные с тех же позиций монографии о Рембрандте и Энгре, прочертившие единую линию развития изобразительного искусства к современности, к личным друзьям автора — Матиссу, Пикассо, Дерену, Браку, Боннару, Леже, — линию, которая представлялась неудобной любому фашистскому правительству.

В наши дни с Черным Жаном знакомится каждый французский школьник: отрывки из его романов, новелл, сонеты входят в школьный курс литературы и в каждую школьную хрестоматию. Это уроки высокой литературы и высокого предназначения человека.

Говорят о Жана Кассу и на уроках истории: он один из основателей, руководителей и героев движения французского Сопротивления, к тому же автор его названия. «Черный Жан» — это из подполья, и память о нем высечена на обели-

Жан Кассу.

Обложка книги сонетов Кассу.

ЧЕРНЫЙ ЖАН — МОТОР СОПРОТИВЛЕНИЯ

К 100-летию Жана Кассу

ске моста де ля Турнель, того самого моста, который соединяет колыбель Парижа — Остров Святого Людовика с бульваром Сен-Жермен и уходящей в Латинский квартал, к Пантеону улицей кардинала Лемуана.

В фундаментальном труде «Современные писатели Франции» сказано об этом установившемся отношении к писателю: «Жан Кассу — не просто выдающийся писатель своего времени; он относится к числу тех немногих, о ком можно с уверенностью сказать, что он делает честь французской литературе. С неизменным чувством собственного достоинства и редкой последовательностью он следует своим идеалам, день за днем и шаг за шагом раскрывая их все более полно. Ему присущ неоскудевающий интерес к горячим точкам современной истории, отклик на них без попыток обойти молчанием или закрывать на них глаза, и это в одинаковой мере видно и в его произведениях, и в его деятельности, что делает Жана Кассу поистине исключительным человеком».

К этому можно прибавить строки самого Кассу из письма его многолетнему московскому корреспонденту и другу живописцу Элиу Белютину: «Только не компромисс! Это понятие из области политики, экономики, может быть прикладных (не точных!) наук, даже медицины, но ни в коем случае не искусства и не культуры. Любимый, самый несущественный компромисс — отступление перед властью (в чьих она руках, не имеет значения), перед тем рабским началом, которое, как это ни парадоксально, насаждает в своем развитии цивилизация. Власть чаще или реже меняет свое обличье, неизменным остается Человек, его подлинная сущность, опирающаяся на единые для всех времен нравственные послышки, с которых и ради которых начинается и существует культура».

Сын французского инженера, беарнца мексиканского происхождения, и испанки, Кассу родился в местечке Деусто Бискайской провинции Испании и почти сразу был перевезен родителями во Францию. Неудлинные годы жизни в Сен-Кантене сменились пребыванием в Париже, где он учился в лицее Шарлемань и на Литературном факультете Сорбонны.

Вторым университетом стала для Кассу работа литературным секретарем у П.Луиса, романиста, знатока древних языков и культур,

в прошлом издателя журнала «Ля Конк», который объединял в 1890-е годы Малларме, Верлена, Валери, Метерлинка. С 1906 г. Луис перестал публиковаться, но продолжал литературную работу. И это он, по признанию Кассу, научил своего молодого секретаря беспощадной требовательности к каждому написанному слову.

Но Кассу не устраивала полная отрешенность Луиса от политической жизни. Он переходит в редакцию «Меркюр де Франс», а в 1925 г. — в Министерство народного просвещения, одновременно дебютируя романом «Похвала безумию». Он заявляет об основном положении своей жизненной позиции: литература и искусства представляют категорию не столько эстетическую, сколько нравственную, аккумулируя нравственные достижения своего поколения и превращая их в творческую потенцию развития последующих поколений.

Одновременно с романами «Венские созвучия» (1926) и «Ничейная земля» (1928) он пишет исторические эссе, как «Жизнь Филиппа II», и литературоведческие исследования. В своем труде о Льве Толстом он перебрасывает мост к 1930-м годам, определяя наметившиеся в Западной Европе тенденции: «Это значит жить не так, как люди того жаждают, но слушать слова проповедников, — и чем эти слова будут более жестокими, тем сильнее окажется дрожь энтузиазма и послушания».

Не ограничиваясь анализом происшедшего и общей направленности своих произведений, Кассу пытается всеми возможными средствами противостоять наступлению фашизма. В 1931 году он председательствует на им же организованном первом митинге интеллектуалов-антифашистов в Париже. Спустя два года входит в состав правительственного кабинета Народного фронта в качестве министра национального просвещения.

Об этом не любят упоминать биографы писателя, но вместе с Андре Мальро Кассу отправляется в 1936-м в Испанию приветствовать начало Народного фронта, берет на себя редактирование левой газеты «Л'Эроп» и вплоть до падения Барселоны борется, по его собственному выражению, «пером и словом за победу республиканской Испании, брошенной на произвол судьбы западными демократиями». И Советским Союзом, к которому он начинает относиться с предубеждением.

В эти годы все большее место в деятельности Кассу начинает занимать изобразительное искусство. На примере стремительного развития живописи и скульптуры нашего века он утверждает внутреннее стремление человека к сохранению собственного достоинства, независимости и гуманизма, к развитию творческих сил. Одновременно рождаются один из лучших и самых популярных романов Кассу «Резня в Париже» — о событиях Коммуны и генерале Домбровском и роман «Легион», который писатель считал ключевым для своей деятельности. Тема «коллективной вины» позволяет ему по-новому осмыслить идеологию и преступления национал-социализма, а также психологию обывателя, создающего питательную среду для подобных политических форм.

В одном из писем Элиу Белютину под впечатлением очередной развертывавшейся в Москве кампании борьбы с «формализмом и космополитизмом» Кассу пишет: «Я всю мою жизнь боролся мыслью и делом, теоретически и на практике за искренность выражения и ее постоянную связь с человеческим достоинством. Страстный интерес к этому в моих трудах по критике и эстетике, равно как мое участие в интернациональной художественной жизни и, в частности, в создании и управлении Национальным музеем современного искусства целиком согласуются с ориентацией, которой я следую во всех других областях. В конце XIX и в начале XX в. свобода и нововведения в художественном творчестве казались буржуазии чем-то опасным и скандальным. Надо было бороться, чтобы заставить принять Мане, Сезанна, импрессионизм и все последующие революции, и Пикассо, и Матисса, и Леже. Ваша страна, которая нам так дорога, сыграла большую роль в этих этапах большой цивилизации. Всегда были у вас гении и всегда будут. Но то, что у вас сейчас происходит, заставляет задуматься слишком о многом и явственно вспомнить 30-е годы».

С началом немецкой оккупации, в июле 1940-го Кассу вместе со своими друзьями Марселем Абрахамом и Клодом Авелином начинает изыскивать способы печатной информации под лозунгом «Свободные французы о Франции». В конце сентября уже выходит первая написанная Кассу листовка, которую издатели сами рас-

пространяют по городу. В декабре — первый номер журнала «Сопротивление», главным редактором которого выступает Кассу. Строки из передовой: «Сопротивляться! Этот крик идет из ваших сердец, из глубины отчаяния, в которое погрузил вас разгром Родины...»

Вскоре в целях безопасности руководство редакции было перемещено на юг. Кассу оказался в Тулузе, а в декабре 1941-го — за решеткой. Вырвавшись из тюрьмы, он получает назначение от резидента алжирского правительства генерала Жиро на должность комиссара региона Тулузы. Это не мешает ему присоединиться к издателям «Ле леттр Франсез», первый номер которых выходит в октябре 1943-го. Вместе с Элюаром, Сартром, Анри Руссо, Польханом, Мориакон он выпускает раз в месяц «Письма».

Война заканчивается для Кассу участием в освобождении Тулузы в 1944 году, где он получает тяжелое ранение. Отмеченный высшими воинскими наградами, Черный Жан возвращается в Париж, в свой музей, первоначально размещавшийся в Люксембургском дворце. Однако после трех десятилетий руководства музеем, получившим всемирное признание, Кассу был отстранен от своего поста. Новой, как и старой, власти бескомпромиссность директора была ни к чему.

И снова строки из письма Белютину: «Я достаточно устал и раздражен государством, которое способно сводить на нет усилия целой жизни в отношении развития культуры. Жизнь становится все более и более трудной. Человек моих лет не может смотреть равнодушно на тот балаган, на который разманивается подлинное золото человеческой активности в искусстве».

...В канун Пасхи в Париже всегда холодает. От Сены тянет пронизывающий ветер. Нет-нет, да начинают хлестать струи злого дождя. Но на лестнице дома по улице Кардинала Лемуана, как всегда, тепло и тихо. Домофон у входной двери. Домофон у лифта. Еще один — у квартиры на втором этаже. Сколько лет сюда входил мэтр Кассу...

Дверь открывает смуглая черноглазая мадам Изабель, единственная дочь мэтра. Приехала сюда из Лондона, чтобы «все ликвидировать», и осталась. Может быть, навсегда. По ее словам, рука не поднимается нарушить эту удивительную ауру.

В тесной прихожей по-прежнему полно забытых на вешалке плащей и пальто. Сумрачная гостиная с окнами на дом через улицу также заставлена низкой мягкой мебелью начала века: совсем непросто добраться из кухни с двумя чашечками кофе до столика. На стенах — Пикассо, Матисс, Брак, Марке, Белютин 60-х годов, подобный тому, который включен в собрание Национального музея современного искусства Франции, Дерен...

В кабинете все тот же пододвинутый к скупому свету окна рабочий стол. Развал журналов, книг. И если прихотью лицом к стеклу, можно увидеть наискосок обелиск на мосту де ля Турнель...

Изабель останавливается за спиной: «Вы хорошо знаете поэзию Кассу? Вам это ничего не напоминает?» Конечно, напоминает. Строки сонета из тулузского сборника «33», прозрачную книжечку из серой бумаги:

Париж, его памятники,
драпированные кровью, его небо
Цвета крыльев самолета
в садящемся солнце, —
Я все видел во сне, и я слышал
возрождение далекого пения,
Пения,
похожего на взлетающие искры.
Я так любил с тех давних пор
Этот город, в комнате
со стенами цвета молока
И стареющей зари,
низким потолком. И внутри
Бледного зеркала
размышляющее лицо.

<...>
Я знаю:
я стоял перед этим окном,
И мостовые отзвучивали
шумом праздника,
Праздника каждого дня
и всех дней. Как море.

25.11.99
Кассу Жан